

FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG

РОССИЯ 2013:

**РЕАКЦИЯ, СТАГНАЦИЯ,
ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ**
СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Барнаул 2014

ББК 338
Р 76

Редакционная коллегия:

С. В. Андреев, председатель правления Алтайского краевого отделения Фонда социальной поддержки и гражданских инициатив
С. В. Андрейчук, к.и.н., доцент Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова
Е. Б. Исакова, редактор сайта www.gyzkov.ru
В. А. Рыжков, к.и.н., профессор НИУ «Высшая школа экономики» (отв. редактор);
Г.П. Шейда, руководитель Алтайского отделения Фонда «Российский общественно-политический центр»

Р 76 Россия 2013: реакция, стагнация, перспективы модернизации: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Рыжкова. – Барнаул: Издательская группа «Си-пресс», 2014. – 127 с.

ISBN 978-5-905177-99-6

Научное издание посвящено итогам XX Международной научно-практической конференции, состоявшейся 29-30 июня 2013 года в Алтайском крае

В ходе международной научно-практической конференции рассматривались вопросы о природе политического режима в современной России, о сущности «креативного класса» и протестного движения как нового фактора в российской политике, о перспективах российской модернизации.

Организаторами конференции выступили Алтайский краевой общественный фонд социальной поддержки и гражданских инициатив (Алтайский край), Филиал зарегистрированного союза «Фонд имени Фридриха Эберта» в Российской Федерации (Германия), Алтайский филиал Фонда «Российский общественно-политический центр» (Барнаул).

Издание предназначено для историков, политологов, социологов, специалистов в области международных отношений, регионоведов, а также для всех, кто интересуется общественно-политической и экономической ситуацией в России и регионах.

Книга издана на средства Фонда им. Ф. Эберта.

ISBN 978-5-905177-99-6

© Коллектив авторов, 2014
© Издательская группа «Си-пресс», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ	9

Сессия первая

ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В. ПУТИНА	17
--	----

Андрей Юрьевич Мельвилль, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии, декан факультета прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики»

Российская политическая система и политический режим: характеристики и перспективы	17
ДИСКУССИЯ	29

Александр Пинхосович Подрабинек, правозащитник, главный редактор агентства «ПРИМА-News»

Новый режим В. Путина: природа и будущее	30
ДИСКУССИЯ	35

Владимир Александрович Рыжков, политик, профессор НИУ «Высшая школа экономики»

Путинский неокорпоративизм vs модернизация страны	41
---	----

Ханс-Хеннинг Шредер, руководитель исследовательской группы в Фонде «Наука и политика. Германский институт международной политики и безопасности»

Россия как европейское государство. Политическая система и общие нормы.....	45
ДИСКУССИЯ	47

Сессия вторая

«КРЕАТИВНЫЙ» КЛАСС И ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ: НОВЫЙ ФАКТОР В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ	49
---	----

Илья Владимирович Пономарев, депутат Государственной Думы РФ, председатель попечительского совета Института инновационного развития

Оппозиция, псевдооппозиция, протестные движения в России и их перспективы	50
ДИСКУССИЯ	52

достаточно слово Андрею Юрьевичу Мельвилю, декану факультета прикладной политологии Высшей школы экономики.

Сессия первая

ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В. ПУТИНА

Докладчики:

- **А.Ю. Мельвиль**, профессор, декан факультета прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики»: *«Российская политическая система и политический режим: характеристики и перспективы»*
- **А.П. Подрабинек**, правозащитник, главный редактор агентства «ПРИМА-News»: *«Новый режим В. Путина: природа и будущее»*
- **В.А. Рыжков**, политик, профессор НИУ «Высшая школа экономики»: *«Путинский неокорпоративизм vs модернизация страны»*
- **Х. Шредер**, руководитель исследовательской группы в Фонде «Наука и политика. Германский институт международной политики и безопасности»: *«Россия как европейское государство. Политическая система и общие нормы»*

*Андрей Юрьевич Мельвиль,
профессор, зав. кафедрой сравнительной
политологии, декан факультета прикладной по-
литологии НИУ «Высшая школа экономики»*

Российская политическая система и политический режим: характеристики и перспективы

Спасибо, Владимир Александрович, мне очень приятно быть здесь. Я много слышал о Вашем форуме и сейчас рад выступить перед уважаемыми коллегами с некоторыми соображениями, в частности, вытекающими из проводимых нами в НИУ ВШЭ исследований. Я тоже исхожу из определенного прогноза перспектив развития ситуации, и он у меня умеренно-пессимистический. При этом совершенно откровенно скажу, что буду очень рад, если через год, к началу очередной «рыжковской» конференции, этот прогноз не осуществится.

И еще четыре оговорки. Во-первых, тема, которую мне предложил Владимир Александрович, настолько широка и многогранна, что я смогу осветить ее лишь частично. Во-вторых, профессионально я занимаюсь сравнительными исследованиями, и поэтому буду говорить о

российской ситуации именно в сравнительной перспективе. И, в третьих, в отличие от сторонников известного поэтического образа, я то считаю, что умом Россию не только можно, но и нужно понять. Если этого не делают исследователи – это свидетельство профессиональной непригодности. И без общего «аналитического аршина» здесь не обойтись. Россия так же уникальна, как Словения, Уругвай и Индонезия. Наконец, в-четвертых, я принципиально воздерживаюсь от ценностных суждений и моралистических оценок. Я сторонник эмпирического подхода. Меня интересует анализ и сравнение наблюдаемых и (желательно) измеряемых фактов.

Перейду теперь непосредственно к проблематике, которая вынесена для меня в качестве основной темы. Думаю, мало, кто возьмется возражать относительно того, что среди более-менее независимых экспертов есть, по крайней мере, одна зона согласия, и это согласие касается оценки современного тренда российского политического развития. Это вектор, который указывает на дедемократизацию политического режима. Это вектор, связанный с усилением авторитарных тенденций, с закрытием свободного политического пространства и ограничением конкуренции.

В то же время эксперты оживленно дискутируют относительно отправной точки и конечного пункта динамики нашего политического развития на сегодня. Режим 90-х годов – что это было? Здесь высказывается масса разных точек зрения, начиная с того, что режим, точнее режимы, 90-х годов были протодемократическими, до мнений о том, что это была в лучшем случае конкурентная олигархия, а в худшем – хаос, деволуция власти и распад государства. Но, тем не менее, общий тренд режимной эволюции от 90-х годов к сегодняшней ситуации практически не подвергается независимыми экспертами сомнению. Это авторитарный крен.

Каким был режим нулевых годов и какую динамику демонстрирует современный режим? Здесь мы тоже сталкиваемся в экспертных оценках с самыми разными представлениями. Одни говорят, что это гибридный режим, другие, что это бюрократический авторитаризм или электоральный авторитаризм, персоналистская диктатура, режим «силогархов» и т.д. В любом случае, акцентируется, пусть и в разной степени, репрессивная компонента режима и ограничение политической и экономической конкуренции. Хотя, конечно, в сравнительной перспективе важны детали: российские политические условия сегодня – это не условия в Туркменистане и даже не в Казахстане (если говорить о постсоветских государствах). Поэтому мы и здесь, на этой конференции.

В этой связи возникает теоретически и практически крайне значимый вопрос: если верны наши представления о тренде дедемократизации, то чем его объяснить? Откуда возник такой результат спустя

более двух десятилетий трансформаций? Условно говоря, почему в России, не как в Польше, Словении или даже Сербии? Это результат многого умысла, партикулярных интересов, стечения обстоятельств, «строны зависимости», политической культуры, отсутствия объективных предпосылок для демократии – что еще?

И вот здесь, если отправляться от имеющихся теорий, мы сталкиваемся с двумя основными «мегаобъяснениями». С одной стороны, литература говорит о том, что перспективы установления демократических порядков связаны с объективными условиями (или же с их отсутствием). В этом смысле демократия не «конструируется», а «произрастает» из определенных структурных предпосылок – экономических, социальных, культурных, «человеческих» и проч. Это, собственно говоря, было мейнстримом мировой политической компаративистики, начиная с 50-60-х годов.

Чтобы проверить эту логику аргументации применительно к посткоммунистическим и постсоветским странам, давайте посмотрим на hard data, как мы с коллегами, собственно, и сделали в рамках одного из исследовательских проектов НИУ ВШЭ. Вот, например, выборочные показатели стартовых условий посткоммунистических трансформаций (1989-1993):

ВВП/чел. (WB) и ИРЧП (UNDP) «на старте» (1989-1991 гг.)

Страна	ВВП/чел. (тыс. долл.)	ИРЧП
Чехия	11,209	0,897 (высокий уровень)
Польша	5,475	0,874 (высокий уровень)
Россия	8,941	0,862 (высокий уровень)
Белоруссия	4,747	0,861 (высокий уровень)
Узбекистан	1,457	0,695 (средний уровень)
Молдова	2,776	0,758 (средний уровень)

Мы берем ВВП на душу населения и индекс развития человеческого потенциала (образование, здравоохранение, продолжительность

жители и т.д.). И мы видим, что «успешные» (в плане демократизации) страны начинают с высокого уровня экономического развития и человеческого капитала. Напротив, страны, которые на старте трансформации были экономически менее развиты и имели более низкий уровень развития человеческого потенциала, мягко говоря, не являются лидерами демократизации. Это как будто подтверждает классическую теорию: демократия вырастает там, где есть для этого объективные экономические, социальные, человеческие и прочие структурные предпосылки.

Но совершенно удивительны аномалии: в постсоветских странах есть случаи, которые не вписываются в эту логику: Россия, Белоруссия, Казахстан. Страны, которые начинали с достаточно высокого уровня экономического развития и развития человеческого капитала. Но траектории их режимных трансформаций указывают на другое направление. Аномалии противоположного вида – Монголия и Молдова. Страны чрезвычайно низкого уровня экономического развития и с низким уровнем развития человеческого капитала смогли преодолеть эти ограничения и выстроить худо-бедно функционирующие демократические институты и реальные демократические практики.

Вывод из этого анализа: объективные предпосылки важны, но они не определяют траекторию развития. Россия, в частности, стартовала в начале 90-х годов примерно с того же уровня, как и Венгрия, Польша и многие другие страны, которые пошли по пути строительства демократических институтов. Значит, объяснение лежит где-то в другой области.

Есть в литературе вторая мощная линия объяснения происхождения демократии, демократических институтов и практик, линия, которая апеллирует к воле людей, субъективному фактору, к акторам, которые принимают решения, творят новые политические институты и практики. Если они этого не делают, они не делают этого в силу тех или иных субъективных причин. И здесь ключевым фактором является институциональный выбор, выбор в поиске конструкции политической системы, это конституционный выбор. Кстати, мы можем задаться вопросом, почему, в отличие от других стран мира «третьей» и «четвертой» волн демократизации, которые пошли по пути строительства демократических институтов, в России произошла задержка с созданием этих институтов и кодифицированием их в конституции. Речь идет об институциональном выборе формы правления и избирательной системы. Естественно, здесь много условностей. Автор схемы, которую я вам сейчас показываю – Борис Макаренко (она опубликована в нашей совместной главе в книге под редакцией Адама Пшеворского «Демократия в российском зеркале»). Взгляните на эту схему.

Взаимосвязь президентских и парламентских систем, избирательных систем и демократии (Макаренко, Мельвиль 2013)

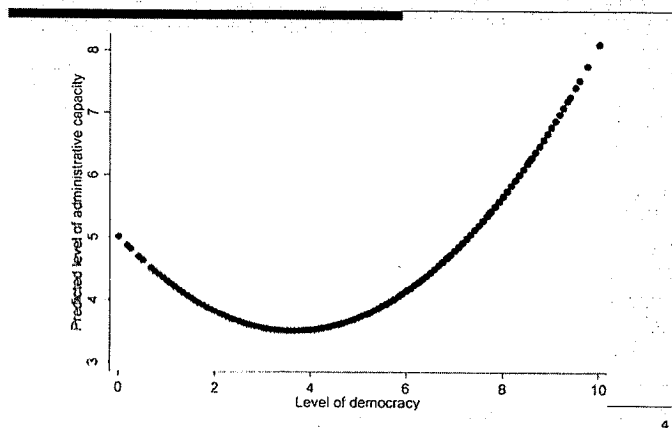
	Пропорциональная	Смешанная	Мажоритарная
Парламентская	4 демократии 0 гибридов 0 автократий	2 демократии 1 гибрид 0 автократий	0 демократий 0 гибридов 0 автократий
Премьер-президентская	7 демократий 1 гибрид 0 автократий	1 демократия 0 гибридов 0 автократий	1 демократия 0 гибридов 0 автократий
Президентско-парламентская	1 демократия 0 гибридов 0 автократий	0 демократий 3 гибрида (включая Россию) 0 автократий	1 демократия 0 гибридов 0 автократий
Президентская	0 демократия 0 гибридов 0 автократий	0 демократий 1 гибрид 2 автократии	0 демократий 0 гибридов 4 автократии

Здесь вы можете видеть виды избирательных систем и режимные результаты применительно к посткоммунистическим трансформациям. Логика вполне однозначная. Мажоритарная система – одна демократия при президентской системе, одна демократия при президентско-парламентской системе, но в основном это автократии. Пропорциональная система – четыре демократии при парламентской системе, президентско-парламентская – одна, президентская – ноль демократий. Эта схема подтверждает самые распространенные представления в сравнительной политологии. Президентские и мажоритарные системы являются «поцелуем смерти» для новых демократий. Новые демократии не развиваются в этих институциональных рамках.

Выбор институтов, который осуществляется в ходе первых основополагающих выборов – это выбор ключевых институтов, но это не единственный выбор. И мы должны оценивать институты по качеству их функционирования. В литературе существует аргумент, что автократии тоже могут создавать эффективные и качественные институты. Квинтэссенция этого аргумента – пример Сингапура. Суть этого аргумента в том, что авторитарные режимы создают эффективные управленческие институты. При переходе от авторитаризма к демократии или к гибридным режимам – собственно говоря, при достаточно радикальных трансформациях – качество и эффективность государственно-

го управления и институтов снижается. Это аргумент так называемой J-кривой:

J-кривая (Baeck & Hadenius 2008; см. также Fortin 2011; Charron & Lapuente 2010; Moller & Skaaning 2011 и др.)

Давайте проверим, как в этом отношении выглядит Россия. Для этого мы можем использовать разные способы анализа.

Во-первых, мы можем взять за основу имеющиеся базы данных. Одна из самых распространенных – система шести показателей World Governance Indicators, которая создается Всемирным банком и существует с 1996 года. Чтобы избежать эндогенности, мы исключаем из рассмотрения один индекс, характеризующий особенности политического режима («Подотчетность») Вот примеры:

Примеры показателей 5 индексов WGI от + 2,5 до - 2,5 (2011)

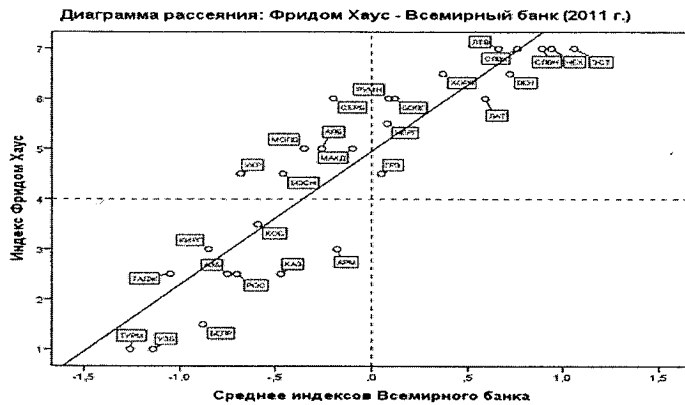
Страна	Политическая стабильность и отсутствие насилия	Эффективность государственного управления	Качество государственной поддержки и частного сектора	Господство закона и порядок	Контроль над коррупцией
Норвегия	1,35	1,76	1,41	1,89	2,17
Сингапур	1,21	2,16	1,83	1,69	2,12
Словения	0,84	0,99	0,63	1,07	0,93
Россия	-0,88	-0,40	-0,35	-0,78	-1,09
Казахстан	-0,17	-0,26	-0,28	-0,63	-1,01
ЦАР	-2,04	-1,35	-1,18	-1,28	-0,85

5

Норвегия – лидер этих рейтингов по качеству институтов. У Сингапура высокие показатели по всем индексам, кроме режимного показателя. Это ближе к нашему сюжету. Вот Казахстан. Там отрицательные показатели качества институтов. Ситуация по России отчасти лучше, чем в Казахстане, отчасти хуже. Все показатели отрицательные. В нулевые годы происходило «собрание страны», была собрана вертикаль власти, возникло то, что некоторые считают «сильным государством». Но, судя по показателям WGI, это иллюзия. Сила государства не может быть оценена по его репрессивной способности. Репрессия – это подмена качественных институтов, проявление институциональной слабости.

Вот, кстати, диаграмма рассеяния, показывающая совершенно очевидную линейную зависимость между качеством институтов (по версии Всемирного банка) и уровнями демократического развития (по версии ФН):

Качество институтов и демократия (WB – FH, 2011)

Ясно, что в постсоциалистических странах нет автократий с сильными и эффективными институтами.

Но, может быть, база данных и индикаторы Всемирного банка неверны, тенденциозны, как говорят многие критики?

Давайте тогда попробуем сконструировать свой собственный индекс – индекс государственной состоятельности – и проверить эти результаты. Собственно говоря, это и было задачей одного из исследовательских проектов, который мы недавно осуществили в НИУ ВШЭ (и опубликовали его результаты).

В соответствии с существующей литературой мы оцениваем государственную состоятельность (state capacity) по двум параметрам – ресурсам и институтам. К ресурсному показателю мы относим ВВП на душу населения, к институциональному – доверие к финансовым институтам (по версии Contract intensive money) и индекс физической неприкосновенности (по версии Cingranelli-Richardson). Последний свидетельствует о соблюдении закона и порядка, независимо от режимных характеристик.

Индекс государственной состоятельности/State capacity (Мельвиль, Стукал 2012)

- Ресурсы
 - ВВП/чел.
- Институты
 - Contract Intensive Money, CIM (IMF)
 - Physical Integrity (Cingranelli-Richards)

При этом мы сравниваем ситуацию в начале посткоммунистических трансформаций (1989-1993 гг.) и двадцать лет спустя (2009-2010):

Диаграмма рассеяния: демократия – государственная состоятельность (1989-1993)

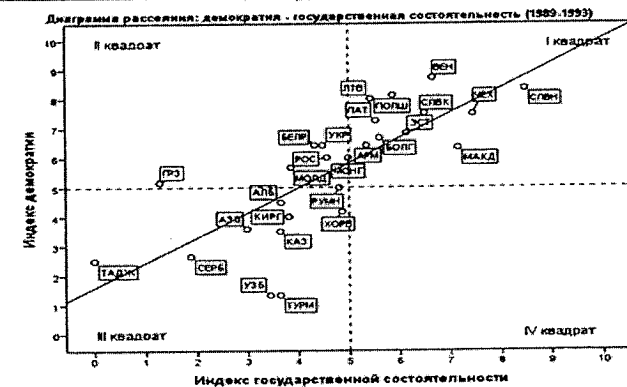
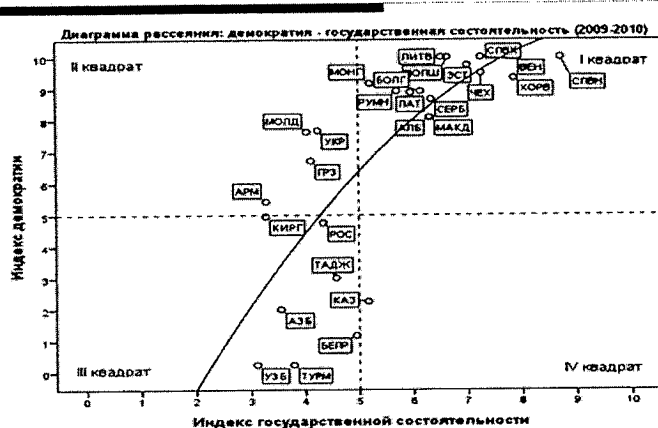

Диаграмма рассеяния: демократия – государственная состоятельность (2009-2010)

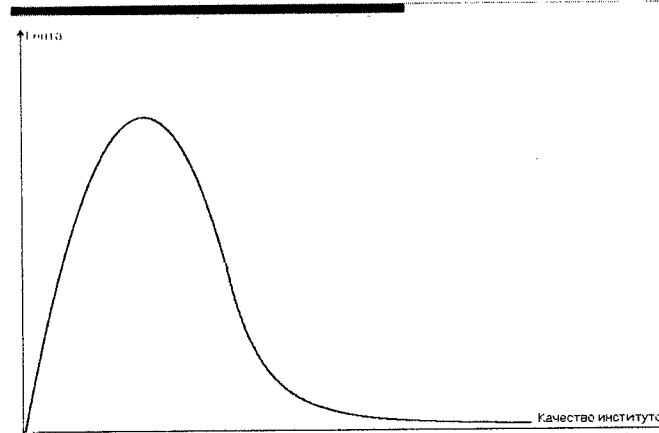

И что же мы получаем в результате сравнения? Мы видим ту же самую зависимость.

Так что же произошло за 20 лет? Прямая линия сменилась чуть более кривой. Но квадрат максимального качества институтов и минимальной демократии в этой диаграмме пуст; посткоммунистического (реально – постсоветского) условного «Сингапура» в нем как не было, так и нет. В России состояние с государственной состоятельностью (качеством институтов) и демократией ухудшилось. Закономерность абсолютно очевидная. Хорошие институты не возникли. И по уровню демократии тоже произошло снижение.

Почему же не возникли посткоммунистические автократии с хорошими институтами? Для объяснения я предлагаю модель «Царя горы»:

Модель «Царя горы»: политическая и экономическая рента – vs. – качество институтов

В ситуации «Царя горы» гарантии доступа к экономической ренте являются следствием доступа к политической ренте (или участия в ней). Создание качественных институтов создает угрозу этому равновесию. Имитационные институты, которые создаются в ситуации «Царя горы» – это институциональная ловушка. Они плохого качества, но как раз в этом их достоинство, с точки зрения «Царя горы». В данной ситуации реальные реформы невозможны. Это ситуация превосходного равновесия:

«Царь горы»: плохие институты при политической и экономической ренте

- Монополия на политическую ренту – несменяемость власти, ограниченная конкуренция, ограниченный плюрализм**
- Политическая рента – условие для экономической ренты**
- «Плохие» институты (т.е. коррумпированные, неэффективные, непрозрачные) – «хорошие» в положении «Царя горы»**
- «Плохие» институты закрепляют «институциональную ловушку»**
- Status quo для извлечения политической и экономической ренты – как фактор торможения реформ (нет мотивов для политических и экономических реформ)**

11

И заключительные ремарки. Что, гипотетически, могло бы поколебать эту равновесную позицию? Несколько слов с точки зрения сравнительной перспективы:

Возможные внутренние и внешние стимулы для создания хороших институтов

- Сравнительный анализ «третьей» и «четвертой» волн демократизации – возможные модели инициирования реформ**
 - «Сверху» в результате раскола элит (Испания, СССР)
 - «Сбоку» в ходе подъема новых элит (Чехословакия, Прибалтика)
 - «Снизу» под давлением оппозиции (Польша)
 - «Извне» (от EU Aquis до вызовов глобализации, транснационализации, членства в международных организациях и др.)
- Остается вопрос: в какой ситуации «Царю горы» могут быть выгодны хорошие институты и реформы?**

12

Стимулы для изменений, реформирования режима, как свидетельствует сравнительный анализ особенностей 3-й (и 4-й) волн демократизации, могут приходить с четырех сторон. «Сверху», в результате раскола элит. «Сбоку», в ходе подъема новых элит. «Снизу», под давлением оппозиции. «Извне», под влиянием внешних факторов – но идущих не от условного «Госдепа», а от новой глобальной среды. Что является значимым в обозримой перспективе, мне судить трудно и явно не сейчас. Мое резюме таково: в обозримой перспективе наша ситуация не внушает особых надежд.

В.А. Рыжков. Абсолютно замечательное выступление. Вы показали, что Россия измеряема. У нас идет деградация как экономики, так и демократии, институтов.

ДИСКУССИЯ

Т.И. Вольфсон. Скажите мне, пожалуйста, пока не начнет шептаться Москва, вся остальная Россия только наблюдает. Когда прощется Москва и Питер?

А.Ю. Мельвиль. «Просыпаться», в Вашей терминологии, стали не только Москва и Питер, но – пусть в разной степени – и другие регионы. Примеров тому много. Это единственное, что я могу сказать.

Э.А. Черченко. Ваш коллега как-то сделал предположение, что корни нашего авторитаризма – в монгольском иге. Князья перенимали повадки ханов, и это внедрилось на Руси. Я отчасти согласен. Когда наш народ избавится от этой привычки?

А.Ю. Мельвиль. Честно говоря, мне сложно ответить однозначно. «Привычка», о которой Вы говорите, конечно, есть. Но это совсем другой сюжет исследования. И ее – «привычку» – очень трудно измерить.

А.А. Джемиев. Что порождает: экономика демократию или демократия экономику?

А.Ю. Мельвиль. Это очень хороший вопрос. Последние 20 лет этот вопрос изучается лучшими компаративистами. Если посмотреть на классическую традицию, логика от С. Липсета очень проста: экономика порождает демократию. Но последние исследования показывают, что есть сложная взаимозависимость между экономикой и демократией. В частности, при достижении относительно высокого уровня демократического развития регресса к автократии не будет – это хорошо показано А. Пшевским. По уровню экономического благосостояния Россия, например, сегодня находится на том же уровне, с которого начинала Корея. Отсутствует воля элит. Об этом хорошо писал С. Гуриев. Для демократизации не требуется ничего иного, кроме желания элит править демократически, как говорил О'Доннелл.